

Н. В. Андрейчук

ФЕНОМЕН ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРНОГО РАЗНООБРАЗИЯ СОЦИУМА

Рассматривается феномен глобализации, ее содержание и перспективы анализируются в различных аспектах, особое внимание уделяется культурному аспекту. В контексте системного и синергетического подходов обосновывается необходимость культурного разнообразия для устойчивого развития социума. Исследуется роль образования в сохранении культурного разнообразия.

This article considers the phenomenon of globalisation. The author analyses the content and perspectives of this phenomenon in various aspects with particular emphasis on cultural aspects and stresses the need for cultural diversity in the framework of the sustainable development of society in the context of the systematic and synergetic approaches. Special attention is paid to the role of education in preserving cultural diversity.

Ключевые слова: глобализация, идентичность, культура, локальные цивилизации, культурное разнообразие, культурная унификация, образование.

Key words: globalisation, identity, culture, local civilizations, cultural diversity, cultural unification, education.

В XX столетии в развитых странах происходили изменения в экономической, политической и социокультурной сферах, которые к 80-м гг. приобрели качественный системный характер и породили явление, называемое глобализацией. В последнее десятилетие прошлого века стало очевидным то, что проблемы дальнейшего развития цивилизации приобретают все более выраженный планетарный характер. Идея единства человечества глубоко укоренена в отечественной философской традиции. Еще В. С. Соловьёв в работе «Русская идея» писал: «Мы должны рассматривать человечество в его целом как великое собирательное существо или социальный организм, живые члены которого представляют различные нации. С этой точки зрения очевидно, что ни один народ не может жить в себе и для себя, но жизнь каждого народа представляет лишь определенное участие в общей жизни человечества» [16, с. 4]. В последней четверти ушедшего века эта проблема из философской становится насущно-практической, а глобализация – объективным явлением современного социума, доминирующим вектором его развития.

Содержанием глобализации является размывание или исчезновение барьеров для перемещения информации, капиталов, вещных и символических продуктов, товаров, услуг и рабочей силы. Происходит трансгосударственный обмен идеями, предпочтениями, ценностями, поведенческими стереотипами, культурными образцами, что приводит к определенному изменению образа мира у достаточно большого контингента людей разных социальных общностей и групп. Образ мира в определенной степени «усредняется» в единой системе социокультурных представлений, определяющих процессы мировосприятия и мироощущения.

Как правило, исследователи выделяют следующие основные аспекты рассмотрения глобализации: экономический, технологический, экологический, демографический, политический, информационный, культурный. В экономическом аспекте глобализация исследуется как процесс трансформации современной мировой экономики в единую хозяйственную систему, в которой сложилось международное общественное разделение труда, рынков и составляющие которой разбросаны по всем странам и континентам. В этой системе достаточно четко структурированы полюсы экономических Севера и Юга: регионов планеты, преимущественно производящих продукт, технологии и потребляющих сырье, а также диаметрально противоположных. Инструментом координации функционирования всех компонентов мировой экономики становятся мощные транснациональные корпорации (ТНК).

Технологический аспект исследования глобализации заключается в рассмотрении все возрастающей инновационности современного социума, быстрого распространения по всему миру новых технологий, общезначимых достижений науки и техники. «Сгущение инноваций в единицу времени» приводит, по мнению известного немецкого исследователя Германа Люббе, «к сокращению нашего пребывания в настоящем» [11, с. 94], к угрозе размывания конкретно-исторической идентичности. «С каждым новым витком ускорения совсем недавно прошлое перестает казаться привычным и знакомым. Тем самым сегодняшнее общество в ускоренном темпе не только производит инновации, но и увеличивает объем собственного прошлого, которое

уже не годится для современного использования. Это уже не процесс, длящийся поколениями, а ощущаемая современниками утрата структур прошлого опыта» [14, с. 91].

Особенно важно видеть как новые возможности, так и риски (даже угрозы для природы человека) использования высоких технологий. С одной стороны, велики прорывы в области биогенетики, биомониторинга и физиологической регуляции на основе микроустройств, раннего диагностирования и лечения тяжелых заболеваний (нано-, био-, генотехнологии), с другой — не исключена угроза тотального электронного контроля за поведенческими практиками, электронного манипулирования как отдельными индивидами, так и различными социальными обществами и группами, «электронного тоталитаризма». Генеральный директор РОС НИИ искусственного интеллекта А.С. Нариньяни в получившей достаточно большую известность публикации «Между эволюцией и высокими технологиями: новый человек ближайшего будущего» убедительно показывает, что этот процесс приобретает лавинообразный характер и, по-видимому, радикально изменит нашу цивилизацию в ближайшие 10–15 лет [13].

Проблемы нарушения планетарного гомеостаза, чреватые изменениями физических констант, обуславливающих жизнь на Земле; осознание необходимости коэволюции общества и природы, энвайроментальная проблематика — эти сюжеты (а не только содержание, классификация и перспективы разрешения глобальных проблем) образуют интеллектуальное пространство экологического измерения глобализации.

Демографический аспект исследования глобализационных явлений состоит в обращении к проблемам нарастающей тенденции снижения репродуктивного возраста, неравномерности воспроизводства народонаселения в различных регионах земного шара; в анализе постоянно увеличивающейся интенсивности миграционных процессов, когда сотни тысяч мигрантов пересекают границы национальных государств, конкурируя с автохтонным населением на рынке труда.

Рассмотрение глобализации в политическом аспекте означает обращение не столько к национальному, сколько к постнациональному контексту, другими словами, для решения планетарных проблем необходимо объединение усилий различных государств. Последнее обстоятельство с неизбежностью приводит к определенному ограничению суверенитета национальных государств путем создания международных политических институций, обладающих не только правом регулирования международных отношений, но и известного вмешательства во внутренние дела государств. Таковыми, к примеру, являются Международный суд, ООН с ее специализированными учреждениями — ЮНЕСКО и Советом безопасности, могущим применять санкции против национальных государств, вплоть до применения военной силы — «принуждение к миру». Как отмечает Юрген Хабермас, сегодня остро встает вопрос о конституционализации международных отношений, о международном праве, обеспечивающем новый мировой порядок: «Проблема уже не в том, возможна ли вообще “справедливость в отношениях между нациями”, а в том, является ли право подходящим средством для осуществления такого рода справедливости... обеспечения мира и стабильности и соблюдения (неоспариваемого ядра) прав человека во всем мире. Спор идет не о целях, а о наиболее многообещающем способе их реализации» [17, с. 12]. Геополитическая проблема тренда в сторону однополярного, биполярного или многополярного мироустройства также входит в политический аспект рассмотрения глобализационных процессов.

Информационный аспект исследования глобализации заключается в анализе расширения и интенсификации информационных связей. Бурное развитие каналов передачи информации становится главным и определяющим вектором современной цивилизационной динамики. Первой информационной революцией стало возникновение письменности: информация отделилась от человека, ее носителя. Зафиксированную информацию стало возможным перемещать во времени и пространстве, но только в единичных авторских экземплярах. Второй информационной революцией стало изобретение Иоганном Гутенбергом в середине XV в. в Майнце книгопечатания, что позволило создать новые возможности для хранения и тиражирования информации, сделать ее доступной все более широкой аудитории современников и потомков.

Создание СМИ — периодическая печать, радио, телевидение во всех его вариантах (эфирное, космическое, кабельное) — еще один прорыв в области распространения информации. Наконец, Интернет — практически безгранично расширяющий возможности доступа к информации и позволяющий осуществлять различные формы коммуникации. По утверждениям специалистов, человечество стоит в самом начале длинного ряда усовершенствований способов передачи экранной информации [6].

Всемирная паутина создает новые эффективные формы коммуникации и является главным основанием глобализации. Конструируется мировое информационное поле, т.е. международная система производства, распространения, хранения и использования информации. Стремительное

развитие информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в последней четверти XX — начале XXI в. привело к кардинальным изменениям мира и человека. С одной стороны, пространство «информации без границ» радикально расширяет интеллектуальные возможности и потребности индивида, способствует увеличению его креативного и инновационного потенциалов, интенсификации эвристической деятельности. С другой стороны, сегодня средства массовой информации и коммуникации превратились в гигантскую диверсифицированную экономическую структуру, зачастую подчиняющую информационные потоки интересам различных политических и финансовых групп, способствующую становлению «медиократии». Чрезмерное обилие информации, нередко весьма тенденциозной, «информационный шум» негативно влияют на процессы становления личности: фрагментация сознания, девальвация его рефлексивного качества, виртуализация действительности, что затрудняет процесс адекватного освоения реального мира. Прогрессирующая аномия, во многом инспирируемая современными ИКТ, обуславливает поведенческие практики в структурах повседневности, что ведет к углублению современного антропологического кризиса [15].

В контексте всего вышеизложенного глобализация может быть интерпретирована как интенсивный многовекторный интеграционный процесс, охватывающий весь современный мир, постепенно трансформирующийся в новый культурно-исторический тип — мировую цивилизацию. Возрастающая глобализационная целостность обуславливает сегодняшнюю взаимосвязанность, взаимозависимость и взаимоуязвимость различных стран и регионов, ярким подтверждением чего является недавно разразившийся мировой экономический кризис.

В современной глобалистике (междисциплинарная сфера научного знания, сложившаяся в последнее десятилетие прошлого века) существует широкий диапазон подходов к глобализации и оценок ее последствий: от позитивно-оптимистических до критически-негативистских и пессимистических; от признания уникальности этого явления до утверждения, что человечество уже знало «глобализационные волны» в XVI—XVII вв. и во второй половине XIX — начале XX в. [5; 10]. Не входя в детальное рассмотрение аргументов, отметим, что полагаем равно возможным осуществление как позитивного, так и негативного сценариев развертывания глобализации по их последствиям для человечества. Что же касается «глобализационных волн», то, относясь с уважением к доводам сторонников этой концепции, одновременно считаем глобализацию явлением исторически уникальным, беспрецедентным по своим последствиям, и прежде всего в сфере культуры.

В наиболее общем смысле культура представляет собой совокупность обычаев и традиций, ценностей и норм, смыслов и идей, знаковых и символических систем, знаний, умений и навыков, когнитивных и поведенческих стереотипов (как в объективированной, так и в субъективированной формах), характерных для тех или иных социальных общностей и групп. Культура в этом контексте выполняет функции социальной ориентации, обеспечивающие принадлежность индивидов к определенному социуму, консолидацию человеческих сообществ, и в то же время индивидуальное самоопределение личности. В культурологическом и социально-философском дискурсах социальная реальность может быть интерпретирована и через ее «культурное» содержание, которым наполняются различные социальные формы: институциональные структуры, роли и статусы, поведенческие практики, общественные связи, отношения и т. п.

Обратимся к культурному аспекту рассмотрения глобализации. Планетарный характер информационных процессов делает неизбежным интенсивный межкультурный обмен, диалог культур, в результате которого формируется некое «ядро» общечеловеческой культуры, синтезирующее конкретно-исторический, социокультурный, религиозный и другой опыт различных народов и государств. Теоретически в этом диалоге ни одна культура не должна претендовать на приоритет, на монополию исключительности. На практике же происходящая сейчас глобализация культуры в значительной мере представляет собой экспансию западных (прежде всего американских) культурных продуктов и образцов в пространство других культур, что нередко оценивается как «культурный империализм». Многие национальные обычаи, церемонии, ритуалы, формы поведения, традиционные нормы и ценности, придававшие в прошлом человечеству фольклорное и этнографическое разнообразие, постепенно «уходят» по мере того, как значительная часть населения отдельных стран и регионов усваивает новые стандартные практики жизнедеятельности. Образно выражаясь, культурная палитра современного человечества явно бледнеет.

В ответ на глобализационный вызов культурной унификации и движению к культурно-монополярному миру усиливается процесс дифференциации локальных цивилизаций как культурно-исторических ареалов. По мнению ряда исследователей, сегодня можно выделить 12 локальных цивилизаций (хотя есть и другие варианты классификации): «четыре западных

(западноевропейская, восточноевропейская, североамериканская, латиноамериканская), пять восточных (японская, китайская, индийская, буддистская, мусульманская) и три смешанных (евразийская, африканская, океаническая)» [8, с. 19]. Все цивилизации существенно различаются по географическому положению, климатическим условиям, численности населения, экономическим показателям, политическому устройству, военной мощи. Но эти различия не являются основанием для их иерархического ранжирования. Ядро цивилизации — ее социокультурный генотип, система ценностей, ментальность, исторический опыт, накопленный сотнями поколений. С этой точки зрения все цивилизации равноправны, поэтому нельзя делить мир на «цивилизованный» и «нецивилизованный». Все они имеют право на участие в межкультурном обмене и диалоге, на уважение к их культурному наследию и этнокультурной идентичности; все могут участвовать в процессах глобализации, хотя возможности для этого у разных цивилизаций, безусловно, неодинаковы.

Система межцивилизационных отношений в современном мире становится все более зыбкой, неустойчивой, вплоть до конфликта и «столкновения цивилизаций» [18]. Сегодня вырисовываются два возможных и равновероятных сценария межцивилизационного взаимодействия и глобализационного развития.

Первый — оптимистический сценарий локально-цивилизационных трансформаций, базирующийся на интегральном и равноправном социокультурном взаимодействии, на диалоге и партнерстве культур. Основопологающей ценностью при этом является толерантность, содержательно оформившаяся в условиях постиндустриального общества. Толерантность означает, во-первых, абсолютный отказ от любых видов и форм социального насилия, кроме легитимных, во-вторых, принципиальный отказ от ксенофобии, т.е. готовность принять любые культурные образцы, идеалы, взгляды, идеи, ценности, образы жизни, кроме мизантропических. Такой вариант развертывания глобализации может быть назван гуманистически-ноосферным [12]. В этом контексте современный немецкий мыслитель, автор знаменитой книги «Общество риска» [2] Ульрих Бек считает глобализацию предпосылкой становления космополитического общества, в котором он видит «светлое будущее всего человечества», выход «из тупиков общества риска» [3].

Второй сценарий — пессимистический: развитие глобализации пойдет по пути доминирования одной из локальных цивилизаций, скорее всего североамериканской (хотя возможны и другие варианты: например, китайской, мусульманской), подчиняющей своему влиянию остальные цивилизации, используя экономическое господство, единое информационное пространство, возрастающую скорость социальных перемен, однополярное (панамериканское) лидерство. Реализация этого сценария грозит как самоубийственным «столкновением цивилизаций», так и установлением новой тотальности в формате либо «золотого миллиарда», либо «глобальной деревни». Перспективы растворения локальных цивилизаций в унифицированном мире, становления новой глобальной цивилизации («сверхобщества», одномерного в культурном отношении) снимают проблему диалога культур, их сотрудничества в поисках ответов на вызовы современности и определения путей преодоления глобальных и мировых проблем.

Угроза потери цивилизационного и культурного разнообразия сколь реальна, столь и опасна для будущего человечества, как и потеря биоразнообразия для живой природы. Представляется, что сохранение паритета между целостностью, единством социума и его культурным разнообразием становится осевой проблемой XXI в., от решения которой зависят перспективы устойчивого развития как общества в целом, так и его конкретных форм. Почему? Дело в том, что в процессе непосредственных межэтнических контактов более сильная и агрессивная культура путем прямого или косвенного давления может вызвать в пространстве другой культуры радикальные изменения — постепенное замещение ее картины мира своей. Это может привести к поглощению одной культуры другой, одного этноса (народа, нации, социальной общности) другим, к утрате одним из них своей картины мира, а следовательно, и своего национального самосознания, социальной памяти, ценностных ориентаций, религии, традиций, обычаев, языка, т.е. этнокультурной идентичности в целом.

Итак, взаимодействие культур может складываться по четырем основным векторам:

1) интеграция — каждая из взаимодействующих социальных общностей или групп как субъектов-носителей определенной культуры сохраняет свою культурную отличительность, осуществляя при этом тесные взаимообогащающие межкультурные контакты; актуализируется толерантность как ценность; этнокультурная идентичность сохраняется и упрочивается;

2) ассимиляция — одна из взаимодействующих социальных общностей или групп теряет свою культуру, свою самобытность; этнокультурная идентичность утрачивается, причем на ментальном уровне;

3) сепаратизм — социальная общность или группа, сохраняя свою культуру, замыкается в себе, отказывается от контактов с инокультурным окружением; этнокультурная идентичность «закостеневаает», порождая ценностный фундаментализм и ксенофобию;

4) маргинализация, культурная неукорененность — социальная общность или группа теряет свою культуру, не установив при этом тесных контактов с другой; этнокультурная идентичность при этом размывается, становится неопределенной. Последнее обстоятельство глубоко проанализировано в работе Самюэля Хантингтона «Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности» [19].

Очевидно, что предпочтительной является первая из вышеуказанных моделей межкультурного взаимодействия, но в реальном глобализирующемся поликультурном пространстве современного социума существуют и три других. При этом актуализируются социальные риски, ибо подрывается фундамент устойчивого развития общества как системы на всех структурных уровнях его организации. Максимальная культурная однородность, нивелирование культурной отличительности, как и гипертрофирование последней, в равной степени небезопасны: в контексте системного подхода достаточно давно доказано, что устойчивое функционирование и развитие систем определяется динамическим равновесием между их гомогенностью и гетерогенностью. Современная синергетическая парадигма также убедительно показывает, что жизнеспособность сложных эволюционирующих систем зависит от уровня их внутренней дифференциации, информационной энтропии. Один из основоположников теории самоорганизации англичанин Уильям Росс Эшби сформулировал закон необходимого разнообразия систем. По этому закону выживание системы определяется тем, насколько она способна противопоставить разнообразию внешних воздействий разнообразие своих реакций на них, т.е. вызовы и ответы должны быть симметричны [20].

Таким образом, культурная дифференцированность, культурное богатство и разнообразие человечества как системной целостности обуславливает необходимый адаптационный потенциал современного социума и отдельных социетальных структур. Это подтверждает и обращение к конкретно-историческим примерам: чем примитивнее, однообразнее, «линейнее» общество, тем оно более уязвимо, тем меньше у него шансов выжить в условиях кризиса, независимо от того, вызван ли последний внутренними или внешними по отношению к данной социальной системе причинами. Пространство выбора для таких обществ радикально сужается, и после прохождения точки бифуркации, как правило, реализуется катастрофическая модель выхода из кризиса.

В контексте синергетики кризисы нужно рассматривать как неизбежные и закономерные этапы системной динамики, объективно обусловленные перманентными изменениями как вне-, так и внутрисистемной среды. Период кризиса «ни плох и ни хорош»: это период «перелома», активизации возможностей и ресурсов системы, позволяющих ей либо адаптироваться к новым условиям, либо перестать существовать. Таким образом, культурное разнообразие социума и отдельных обществ есть условие преодоления системного кризиса современной цивилизации и ее устойчивого развития. В ноябре 2001 г. 31-я сессия Генеральной конференции ЮНЕСКО приняла Всеобщую декларацию о культурном разнообразии. Статья 1 этой декларации гласит: «Формы культуры изменяются во времени и пространстве. Это культурное разнообразие проявляется в неповторимости и многообразии особенностей, присущих группам и сообществам, составляющим человечество. Будучи источником обменов, новаторства и творчества, культурное разнообразие так же необходимо для человечества, как и биоразнообразие для живой природы. В этом смысле оно является общим достоянием человечества и должно быть признано и закреплено в интересах нынешнего и будущих поколений» [4, с. 5–6]. В этом контексте трудно переоценить роль образования как социального института, одной из функций которого является воспроизводство культурной отличительности.

Глобализационные процессы происходят не сами по себе, их реальные проявления определяются не только уровнем развития коммуникаций и технологий, но и спецификой социальной активности индивидов. Реализация того или иного сценария развертывания глобализации во многом зависит от форм и содержания деятельности отдельных индивидов, социальных общностей и групп. Индивидуальная и коллективная деятельность всегда осуществляется в соответствии с конкретными целями (пусть и не всегда явными, рефлекслируемыми) и имеет определенные мотивы, средства и результаты, т.е. ценностно детерминирована. Образование же по своей социальной природе и функциям изначально возникает как важнейший институт производства, воспроизводства и трансляции ценностей.

Сегодня в понимании образования набирает силу тренд в сторону его «экономизации», выхолащивания его ценностного содержания. Образование, особенно высшее, начинают редуцировать к системе образовательных услуг, к некоему товару, а выполнение основных обра-

зовательных программ (т.е. подготовку специалистов) — к инвестиционным проектам, могущим быть более или менее эффективными. Но «логика университета не есть логика рынка или супермаркета», и прагматический аспект отнюдь не исчерпывает всего содержания образовательного процесса. Тем более, что в законе РФ «Об образовании» зафиксировано, что образование в нашей стране не сводится к образовательным услугам, обучение по школьной и вузовской программам — это образовательная деятельность, имеющая гуманистический характер и основанная на приоритете общечеловеческих ценностей, жизни и здоровья человека, свободного развития личности [9, с. 4]. В статье 2 указанного закона подчеркивается культуртрегерская функция образования, содержанием которой является как создание единого федерального культурного и образовательного пространства, так и «защита и развитие системой образования национальных культур, региональных культурных традиций и особенностей в условиях многонационального государства» [9, с. 4].

В глубинах антропосоциогенеза сложилась институция «учитель», основной функцией которой стала компенсация и преодоление родовой неспециализированности человека, сохранение и тиражирование социального опыта, т.е. знаний, умений, навыков. В ходе исторического развития образование становится важнейшим институтом социализации и инкультурации личности, каналом воспроизводства культурной отличительности и тем самым формирования этнокультурной идентичности. Сегодня в условиях глобализации постепенно складывается новая образовательная реальность — «образование без границ», мировое образовательное пространство. Безусловно, это расширяет возможности личности для приобщения к общечеловеческим ценностям, таким, как толерантность, экологический императив, права человека, для приобретения профессиональных компетенций в процессе получения образования. Образовательный процесс становится перманентно инновационным как по содержанию, так и по дидактическим технологиям. Одновременно возрастает роль и значение образования как реального канала обеспечения культурной самобытности социальных общностей и групп. Получая образование, индивид «встраивается» в определенную культуру, овладевает ее ценностями и нормами, поведенческими образцами и стереотипами, когнитивными практиками и типами рациональности, профессиональными знаниями, умениями, навыками и специфическими для данной культуры формами инновационной деятельности, приемами творчества и репродуцирования. Образование «делает» индивида продуктом определенной культуры, он же, в свою очередь, становится субъектом ее воспроизводства. Образование, таким образом, выступает транслятором наиболее значимых и исторически устойчивых норм и ценностей, ментальности, культурных универсалий и констант, социокультурной отличительности в целом; оно «работает» на поддержание культурного разнообразия социума. Думается, что по мере развертывания глобализации эта роль образования будет только возрастать, как, впрочем, и роль «проводника» инноваций. Образование как социальный институт, т.е. как некая системная целостность, также должно обладать определенным уровнем разнообразия. Рамки данной статьи не позволяют остановиться на этой проблеме подробнее, но представляется, что в перспективе она будет только обостряться, и устойчивое развитие социума в значительной степени станет определяться тем, каковы будут пути ее разрешения.

В завершение этой, весьма скромной, попытки социально-философской рефлексии по поводу проблемы, вынесенной в заглавие данной статьи, приведем еще одну цитату. В книге «Россия и Европа» (одном из самых фундаментальных, хотя и весьма спорном по ряду вопросов, трудов по этнокультурной идентичности) еще в 1869 г. Н.Я. Данилевский писал, страстно протестуя против культурной унификации и патернализма: «Всемирная ли монархия, всемирная ли республика, всемирное господство одной системы государств, одного культурно-исторического типа — одинаково вредны и опасны для прогрессивного хода истории, в единственно справедливом смысле этого слова; ибо опасность заключается не в политическом господстве одного государства, а в культурном господстве одного культурно-исторического типа, каково бы ни было его внутреннее политическое устройство. Настоящая глубокая опасность заключается... в воцарении не мнимой, а действительной общечеловеческой цивилизации. Это было бы равнозначительно прекращению самой возможности всякого дальнейшего преуспевания или прогресса в истории внесением нового мирозерцания, новых целей, новых стремлений, всегда коренящихся в особом психическом строе выступающих на деятельном поприще новых этнографических элементов» [7, с. 425].

Список литературы

1. Андрейчук Н.В., Гаврилина Л.М. Теоретико-методологические основания исследования региональной субкультуры анклавного типа // Модели рассуждений-1: Логика и аргументация: сб. науч. ст. / под общ. ред. В.Н. Брюшинкина. Калининград, 2007. С. 268–286.
2. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / пер. с нем. В. Сидельникова и Н. Фёдоровой. М., 2000.
3. *Его же*. Космополитическое мировоззрение / пер. с нем. В. Иноземцева. М., 2008.
4. Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии / пер. с англ. М., 2003.
5. Гей У. Процессы глобализации и наука глобалистика // Век глобализации. 2008. №1. С. 23–30.
6. Гуманитарные исследования в Интернете / под ред. А.Е. Войскунского. М., 2010.
7. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991.
8. Диалог цивилизация. Повестка дня / сост. и общ. ред. В.И. Толстых. М., 2005.
9. Закон Российской Федерации «Об образовании». М., 2004.
10. Иноземцев В.Л. Современная глобализация и ее восприятие в мире // Век глобализации. 2008. №1. С. 31–44.
11. Люббе Г. В ногу со временем. Историческая идентичность // Вопросы философии. 1994. №4. С. 94–113.
12. Моисеев Н.Н. Судьба цивилизации. Путь Разума. М., 2000.
13. Нариньяни А.С. Между эволюцией и высокими технологиями: новый человек ближайшего будущего // Вопросы философии. 2008. №4. С. 3–17.
14. Плотников Н.С. Реабилитация историзма. Философские исследования Германа Люббе // Там же. 1994. №4. С. 87–93.
15. Порус В.Н. Обжить катастрофу. Своевременные заметки о духовной культуре России // Там же. 2005. №11. С. 24–36.
16. Соловьёв В.С. Русская идея. Л., 1990.
17. Хабермас Ю. Спор о прошлом и будущем международного права. Переход от национального к постнациональному контексту // Вопросы философии. 2004. №3. С. 12–18.
18. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. М., 2003.
19. *Его же*. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности / пер. с англ. А. Башкирова. М., 2004.
20. Эшби У. Введение в кибернетику / пер. с англ. Новосибирск, 1999.

Об авторе

Н. В. Андрейчук – канд. филос. наук, доц., РГУ им. И. Канта, e-mail: philoslog@kantiana.ru

Author

Dr. N. Andreichuk, Associate Professor, IKSUR, e-mail: philoslog@kantiana.ru